

Политическая элита регионов СССР и перестройка административно-хозяйственного механизма — тенденции, противоречия, результаты

© В.Ю. Разумовский

Институт развития образования, Липецк, 398017, Россия

Рассмотрена перестройка административно-хозяйственного механизма и роль в этом процессе политической элиты регионов СССР в период 80–90-х гг. XX в. Проанализированы основные социально-экономические проблемы и возникшие в ходе их решения противоречия. Раскрыты причины провалов многих экономических и социальных инициатив государства и степень ответственности региональной политической элиты, а также социально-политические результаты этих процессов.

Ключевые слова: региональная элита, перестройка, гласность, хозрасчет и самокупаемость, кооперативы, антиалкогольная кампания, нетрудовые доходы

В 2017 г. Россия будет отмечать немало памятных дат, среди которых центральное место занимает 100-летний юбилей Февральской и Октябрьской революций 1917 г., определивших развитие страны на протяжении большей части XX в. и имевших неоднозначные, противоречивые и даже драматические последствия. Однако в череде юбилеев на второй план отходят события, которым в 2017 г. исполняется 30 лет.

Между тем в 1987 г. начался постепенный, во многом противоречивый, поворот политического развития страны от тоталитаризма (пусть и в несколько смягченном варианте) к демократии. Именно в этом году были подведены первые итоги перестройки административно-хозяйственного механизма СССР. Данные события, очевидцами и участниками которых являются ныне живущие поколения, коснулись всех граждан некогда огромной страны, причем в каждой союзной республике, крае и области они проходили по-разному, а их вдохновителем и координатором выступала местная правящая элита. В данной статье рассмотрены роль политической элиты регионов в процессе реформирования социально-экономических отношений, его основные тенденции, противоречия и результаты во второй половине 80-х гг. XX в.

Как известно, понятие «региональная политическая элита» подразумевает совокупность лиц, занимающих статусные позиции в структурах власти или непосредственно влияющих на эти структуры и процесс принятия политических решений. Во властвующую элиту

регионов, в соответствии с мировой практикой государственного строительства, входят спикеры и депутаты региональных парламентов, руководители органов исполнительной власти и их заместители, отвечающие за различные направления ее деятельности. К элите относятся руководители расположенных на территории регионов различных государственных ведомств. Наконец, в ее состав можно включить лидеров местного самоуправления (мэров городов, глав префектур и др.). Главным критерием принадлежности к политической элите региона является доступ к рычагам власти и управления, способность и возможность прямо или косвенно влиять на их содержание, направленность и результат принимаемых решений.

Властвующая элита регионов СССР начала формироваться практически сразу после Октябрьской революции 1917 г., и данный процесс был завершен в конце 30-х гг. XX в. Элита регионов стала главной (и единственной) политической силой, способной возглавить, направить и координировать социально-экономическое развитие конкретной союзной республики, области или края в масштабе огромной страны. По мнению Э.С. Радзинского, «созданная Сталиным система, соединившая марксизм с мощным государством... объединяла всевластных руководителей — маленьких вождей. А на вершине этой пирамиды — Вождь, чья команда моментально исполняется малыми вождями» [1]. Подобная система, безусловно, полностью исключала какую-либо социальную независимость, самостоятельность, инициативу.

Однако в тех социально-политических и экономических условиях концентрация власти в руках тщательно отобранной и проверенной группы людей была во многом оправданна. И это касалось в первую очередь развития экономического потенциала страны. Региональная политическая элита сыграла роль своеобразного приводного ремня, благодаря которому местный народно-хозяйственный комплекс действовал в рамках единой экономической системы СССР и одновременно позволял решать социально-экономические проблемы своих территорий. Можно согласиться с точкой зрения Б.Н. Ельцина, согласно которой «при внешнем консерватизме была подготовлена база для расцвета промышленности, науки, культуры. А тупая, но надо признать, очень последовательная, административная жесткость позволила накопиться некоторым благотворным тенденциям...» [2].

Наиболее ярко это видно на примере Центрального Черноземья. В конце 1920-х гг. здесь преобладало крестьянское население, занятое кустарным производством. Слабая транспортная инфраструктура, неразвитое коммунальное хозяйство, весьма ограниченная культурная жизнь, во многом сельский облик городов — все это напоминало типичное российское захолустье, получившее немало критических оценок современников и ставшее предметом злых шуток жителей индустриальных и культурных центров страны.

Однако в 1930-е гг. здесь начинается мощное промышленное строительство. Возведение таких индустриальных гигантов, как Новолипецкий металлургический завод (1935), Липецкий тракторный завод (1943), Курский завод тракторных запчастей (1947), Тамбовский химический комбинат (1951), Воронежский авиационный завод (1954), привело в 50–80-е гг. XX в. к росту городов, увеличению численности проживающего в них населения. В этом бесспорная заслуга региональной политической элиты, которой приходилось порой решать поставленные задачи в условиях недостатка денежных средств и производственных ресурсов.

Однако в ее деятельности постепенно начали превалировать цели, настроения и установки, идущие вразрез с общегосударственными. В экономике это нашло выражение в так называемой ведомственности. В самом общем виде ведомственность представляла собой действия органов управления (чаще всего, отвечающих за экономическое развитие страны), связанные с преувеличением собственных, узковедомственных интересов, нарушением общественного разделения труда.

Еще в 1930-е гг. советская промышленность была встроена в вертикаль управления в лице трестов, главков, наркоматов союзного и республиканского подчинения. Она действовала достаточно эффективно, а наркомы и красные директора несли персональную ответственность за рациональное использование чуть ли не каждого кубометра бетона и тонны горючего. Но к середине 1950-х гг. централизация стала постепенно ослабевать, а мобилизационная экономика уступила место экономике согласований. Весь народно-хозяйственный комплекс СССР превратился, по сути, в огромный бюрократический рынок, а отношения в нем реализовались в рамках, заданных структурой производства и различными институтами административно-политического управления. По мнению М.С. Восленского, «здесь... происходил обмен властью, исключениями из правил, престижем, т. е. всем, что имеет какую-либо ценность» [3]. Критериями успешных действий на этом своеобразном рынке административно-политических статусов стала поддержка непосредственных производителей товаров и услуг партийно-советскими руководителями соответствующего или вышестоящего уровня. А это, в свою очередь, давало возможность выйти на определенные производственные, технологические показатели, нарушить одну из многочисленных директив, инструкций и др., причем не последнюю роль в данном процессе играла политическая элита регионов. Во-первых, деятельность всех производителей координировалась аппаратами комитетов РКП(б) — ВКП(б) — КПСС и отчасти исполкомами Советов депутатов трудящихся всех уровней. По мнению Т.И. Заславской, «система производственных отношений, в осно-

ве которой находится перманентный контроль государства, существенно отстала от уровня развития производительных сил. Вместо того чтобы способствовать их ускоренному развитию, она... превращается в тормоз их поступательному движению» [4].

Во-вторых, далеко не последнюю роль сыграли административные амбиции некоторых партийных и советских лидеров союзных республик, краев и областей. Именно они приложили немало усилий для сохранения замкнутых производственных комплексов, формирования промышленной инфраструктуры только для своих предприятий. Нередко заводы и фабрики, расположенные поблизости и выпускавшие однотипную продукцию, не стремились к кооперации. Например, Липецкий тракторный завод (ЛТЗ) им. XXIII съезда КПСС и Воронежский экскаваторный завод им. Коминтерна производили одинаковую колесно-гусеничную технику, в том числе для городского коммунального хозяйства. Они никак не взаимодействовали друг с другом, так как первый находился в ведении Министерства строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР, а второй — в ведении Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР [5].

В деятельности региональных элит имело место противопоставление отраслевого планирования решению задач местного значения. Так, расположенный в Липецке металлургический комбинат находился в подчинении Министерства черной металлургии РСФСР, руководство комбината отчитывалось перед министерством за производственную деятельность. Однако заработанные комбинатом денежные средства использовались для возведения ледового дворца спорта «Звездный» (1974), пионерского лагеря «Прометей» (1976), легкоатлетического манежа «Юбилейный» (1985) и других объектов социального назначения [6].

Решение об их строительстве в 70–80-е гг. XX в. принималось на бюро Липецкого областного комитета КПСС. И хотя строительство имело большое социальное значение (некоторые из этих сооружений функционируют до сих пор), оно шло в разрез с директивами союзного Центра, вносило определенный дисбаланс в отношения центральных ведомств и местных партийно-советских органов, создавало почву для фальсификаций, приписок, иных злоупотреблений.

Сконцентрированное в городах Центрального Черноземья промышленное производство потребовало непрерывного повышения квалификации обслуживающего его персонала. Это обстоятельство способствовало учреждению сети учебных заведений, строительству жилья и созданию всей необходимой для нормального функционирования крупного населенного пункта инфраструктуры. Поддержка государством семьи, оказание бесплатной медицинской помощи, раз-

витие сети дошкольных учреждений и всеобщее обязательное школьное обучение, получение профессионального образования, всеобщая занятость населения стали для нескольких поколений советских людей важными преимуществами социальной политики СССР. По свидетельству Г.А. Зюганова, «под руководством партийной элиты была создана не имеющая в мире аналогов система социальной поддержки населения» [7]. Региональные центры относительно быстро приобрели современный облик, и к середине 1980-х гг. там были обеспечены твердые гарантии жизни цивилизованного человека.

Однако экономический монополизм государства снижал эффективность им же принимаемых мер. Можно согласиться с точкой зрения Г.Х. Попова о том, что «административным путем... со скрипом были созданы сносные условия жизни “маленького человека”» [8]. Медленные темпы строительства нового жилья, уравнивание результатов труда, перманентный дефицит промышленных товаров, перебои с продовольственным снабжением — все это способствовало росту скрытого недовольства населения регионов.

Усиление в середине 1960-х гг. консервативно-охранительных подходов к результатам деятельности региональной политической элиты СССР привело к ее нравственному перерождению. В регионах страны возникли мощные номенклатурные кланы во главе с партийным лидером ЦК Компартии союзной республики, краевого или областного комитета КПСС, с фактически узаконенной психологией местничества в конфликте интересов как с союзным центром, так и другими регионами. Это сопровождалось ростом интереса к институту собственности, фактическому пересмотру многих ключевых постулатов марксистско-ленинской идеологии. По свидетельству Е.Т. Гайдара, «номенклатурные бонзы почувствовали себя достаточно уверенно, и сделали первый крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев» [9].

Властвующая элита регионов, наряду с активно нарождающимся теневым бизнесом в 60–80-е гг. XX в., приняла участие в латентном (скрытом) установлении контроля над государственной собственностью, преимущественно коррупционным путем. Об этом свидетельствует серия возбужденных на рубеже 1970–1980-х гг. уголовных дел о коррупции и иных злоупотреблениях в различных регионах. По оценке В.И. Колесниченко, «в результате преступной деятельности оказались похищенными значительные денежные средства, которые... раздавались в виде взяток сверху донизу» [10].

В показаниях фигурантов так называемых рыбного, хлопкового, овощного и других уголовных дел упоминались имена видных представителей региональных элит. Это первые секретари ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов и И.Б. Усманходжаев, первый секретарь

Краснодарского крайкома КПСС С.В. Медунов, председатель исполкома Сочи В.А. Воронков и другие.

К середине 1980-х гг. региональная политическая элита представляла собой весьма влиятельную политическую силу, объективно не заинтересованную в каких-либо серьезных социальных переменах. Подобное ее состояние не могло не вызывать серьезную озабоченность у высшего политического руководства СССР. В отношениях с партийными ставленниками на местах у него издавна сложились две тенденции.

Первая, активно использовавшаяся в годы правления И.В. Сталина, заключалась в проведении периодических чисток среди региональных партийно-советских лидеров и элитных групп. Вызванная в основном болезненной подозрительностью вождя, она преследовала цель усиления контроля над региональными элитами, пресечения местничества и сепаратизма. Так, первый секретарь любого республиканского ЦК, краевого или областного комитета ВКП(б) — КПСС не мог без личного разрешения главы государства выехать в командировку даже в соседний регион, например, для ознакомления с организацией мясозаготовок.

Вторая тенденция, к которой прибегал Н.С. Хрущев и отчасти Л.И. Брежнев, заключалась в периодических (с большей и меньшей степенью интенсивности) административных перестановках, смещении и назначении партийных и советских функционеров с одного поста на другой и т. д. Подобная практика была обусловлена не только решением кадровых проблем, но и применялась в качестве наказания за нарушение партийной дисциплины, способствовала нейтрализации возможного конкурента в борьбе за власть и др.

Данные тенденции обеспечивали лояльность региональных элит. Однако превратить их в мощную политическую силу, направленную на эффективное решение различных задач в своих регионах, зачастую не удавалось.

Начиная широкомасштабные реформы в середине 1980-х гг., новое политическое руководство СССР, с одной стороны, традиционно рассчитывало на лояльность региональных элит. С другой, планировало придать им мощный импульс развития посредством новых принципов — гласности и демократизации.

Следует отметить, что региональная политическая элита уже не являлась идеологическим монолитом, обеспечившим генезис Советского государства. Критические и даже оппозиционные настроения постепенно проникли и в региональные партийно-государственные органы. Многие работники ГК и РК КПСС, городских и районных исполкомов отмечали скрытую напряженность в обществе, нарастание конфликтности вследствие нерешенности многих социальных

проблем. Проведение постоянных идеологических кампаний по одобрению докладов руководителей партии и страны, явная неадекватность Л.И. Брежнева как главы партии и государства — все это способствовало росту среди части региональной элиты латентного политического негативизма. (О проходящих в партии и стране процессах говорилось только в кулуарах, в основном в виде саркастических анекдотов.)

Новый курс порождал определенную надежду на изменение этой ситуации, укрепление ее собственных позиций в результате ротации, а также способствовал пересмотру сложившейся практики административно-политического руководства, отказу от некоторых явно устаревших методов и принципов. Такие присущие региональным политическим элитам многих государств мира черты, как здоровый консерватизм, взвешенность и осторожность в принятии политических решений, последовательность и основательность их исполнения, могли стать залогом поэтапных реформ.

Именно по такому пути пошли реформы в Китае. Их успех был обусловлен также наличием четких политических и идеологических ориентиров, последовательного плана преобразований, в рамках которого постепенно менялась и сама элита. Такие же ориентиры следовало бы сформулировать и для политической элиты регионов СССР.

Однако за основу политических преобразований была взята иная модель — либерально-демократическая. Ей были присущи такие черты, как гласность, открытость, плюрализм и конкуренция. В условиях длительной экономической и социокультурной изоляции страны они сыграли двойственную роль. С одной стороны, произошло быстрое очищение общественного сознания от политических догм и стереотипов, и это обстоятельство в какой-то степени укрепило позиции властвующей элиты. У новых руководителей регионов появилась возможность переложить ответственность за ошибки и просчеты политико-экономического развития страны на своих предшественников.

С другой стороны, гласность быстро политизировала общество, включая и саму элиту. К сожалению, консервативно-охранительные тенденции среди региональных элит, особенно в их верхних эшелонах, продолжали доминировать. Значительная часть партийных лидеров союзных республик, краев и областей оказалась не готова психологически принять новые ценности и принципы, очень болезненно восприняла гласность в оценке многих событий в прошлом и настоящем. Сама мысль о передаче КПСС политической власти другим государственным и общественным структурам казалась многим региональным партийным и советским функционерам в тот период просто кощунственной. Поэтому действия по проведению в жизнь курса ускорения и перестройки на местах оказались во многом про-

диктованы политической конъюнктурой, поиском быстрых, с изрядной долей популизма, решений сложных проблем.

Так, новая концепция экономической политики — ускорение, — делала ставку на развитие машиностроения. Данный курс предусматривал активное внедрение в советскую экономику элементов рыночных отношений, быстрый переход промышленных предприятий на хозрасчет и самоокупаемость. Тезис об ускорении, провозглашенный на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г., был с готовностью подхвачен региональными элитами, которые увидели в нем уникальный шанс для быстрой внутренней ротации. В период 1985–1988 гг. деятельность региональных элит была подвергнута строгой ревизии, и это обстоятельство не замедлило сказаться на ее кадровом составе. Корпус руководителей партийных организаций союзных республик, краев и областей был значительно обновлен.

Это хорошо видно на примере Центрального Черноземья. Так, по инициативе первого секретаря Курского обкома КПСС А.И. Селезнева кардинально обновился практически весь партийный, советский и хозяйственный актив региона. Жесткий спрос с руководителей, ответственных за состояние агропромышленного комплекса, позволил первому секретарю Липецкого обкома КПСС Ю.А. Манаенкову в 1986–1988 гг. впервые за всю историю региона добиться его рентабельности. Благодаря инициативе первого секретаря Воронежского обкома КПСС Г.С. Кабасина в 1988–1990 гг. и усилению ответственности административно-хозяйственной элиты была проведена масштабная реконструкция сахарных и молочных заводов, мясокомбинатов, и это обстоятельство способствовало значительному улучшению снабжения продуктами питания населения региона [11].

Несмотря на определенные положительные результаты, усиление командно-административных приемов совершенствования социализма получило обратный эффект. В течение двух-трех лет стала очевидной несостоятельность многих экономических проектов. Помимо усиления бюджетного дефицита и, как следствие, скрытой инфляции, сказалось и полное отсутствие в стране какой-либо рыночной инфраструктуры в лице посреднических организаций, товарно-сырьевых бирж, позволявших наладить механизм закупок сырья, сбыта продукции.

Усиление самостоятельности промышленных предприятий сопровождалось поощрением частной инициативы. Правовой базой для зарождающегося отечественного бизнеса стали законы СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О кооперации», «Об аренде и арендных отношениях» и др. В результате появилась возможность заниматься любой, не запрещенной законом деятельностью, в том числе и торговлей. Официальная позиция Правительства СССР заключалась в том, что новообразованные кооперативы и

частные предприниматели должны быстро ликвидировать товарный дефицит и улучшить качество бытового обслуживания населения.

Однако надежды на оздоровление экономической ситуации посредством поощрения частной инициативы не оправдались. И дело не только в отсутствии для кооперативов легальных источников приобретения сырья, сохранении прежней политики ценообразования, ориентации значительной части кооперативов на откровенную спекуляцию или проведение финансовых операций, зачастую весьма сомнительных. Изначально отечественные кооператоры и предприниматели были поставлены в неблагоприятные экономические условия. Так, в подписанном 14 марта 1988 г. Указе Президиума Верховного Совета СССР «О прогрессивном налогообложении кооператоров» предусматривалось, по выражению министра финансов СССР Б.И. Гостева, «изъятие сверхдоходов», под которыми подразумевалась сумма, превышающая «две с половиной средние зарплаты» [12].

Кроме того, властвующая элита регионов была в целом негативно настроена к новым формам экономической активности населения. Так, бюро Краснодарского крайкома КПСС, сославшись на указ Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с нетрудовыми доходами» от 23 мая 1986 г., потребовало от ряда колхозов ликвидировать свои замечательные розарии. (Освободившуюся землю предполагалось распахать и засеять картофелем [13].) Жесткие карательные меры были приняты против спекуляции — торговать на городских рынках разрешалось только продуктами, которые выращены самим продавцом. Например, бюро Волгоградского обкома КПСС вынесло решение о сносе теплиц на приусадебных хозяйствах жителей региона и привлечении их владельцев к административной ответственности. (В местной печати их называли помидорными стяжателями [14].)

В результате ассортимент сельхозпродуктов значительно сократился практически во всех регионах СССР.

Не менее драматично проходило решение комплекса социальных проблем. Как известно, на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. был сделан акцент на укрепление дисциплины и порядка. В докладе нового лидера партии говорилось о том, что «сегодня, как никогда, актуален вопрос об укреплении дисциплины и порядка» и «нужно строже спрашивать с руководителей коллективов, которые несут ответственность за дисциплину». И далее М.С. Горбачев заявил: «Каждый должен заниматься своим делом, добросовестно выполнять свои прямые обязанности» [15].

Этот призыв хоть и был одобрен региональной элитой (как, впрочем, и всем населением страны), но в повседневной жизни получил весьма слабое выражение. Сыграли свою роль патерналистские стереотипы сознания руководителей многих предприятий, рабочих и

служащих, вождеденно мечтавших о высоком качестве жизни, но не желавших подвергаться экономическому риску и его возможным последствиям — повышению цен, банкротству предприятий, безработице и др. Социум в очередной раз продемонстрировал способность к скрытому сопротивлению и даже прямому саботированию различных инициатив, исходящих от государства. Стремительно пустеющие прилавки в магазинах и активизация черного рынка усилили недовольство населения.

Одним из шагов государства по оздоровлению социальных отношений явилась антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. Широкое распространение среди населения страны пьянства и алкоголизма стало одной из главных причин стагнации экономики, халатного отношения к труду, упадка морально-нравственных ценностей и т. п. По свидетельству М.С. Соломенцева, «было необходимо остановить алкоголизацию населения, которая росла катастрофическими темпами» [16]. Схожей позиции придерживался Е.К. Лигачев: «Все мы — Горбачев, Лигачев, Рыжков и другие, хотели быстро избавить народ от этого векового недуга» [17]. Поэтому в принятом 17 мая 1985 г. Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» был предусмотрен комплекс административных, правовых и профилактических мер, направленных на борьбу с этим социальным бедствием. (Соответствующие указы были приняты во всех союзных республиках.)

Исполнение данного указа было беспрецедентным по своим масштабам (сокращение производства алкогольной продукции, неоднократное увеличение ее стоимости, принятие жестких административных мер против распития спиртных напитков в общественных местах и др.). Организация практических мероприятий в регионах была возложена на властвующую элиту, которая во исполнение данного указа пошла по привычному пути жесткого администрирования, почти не принимая во внимание пропагандистскую, профилактическую сущность данного документа.

Как правило, антиалкогольная кампания на местах начиналась с закрытия большого количества магазинов, торговавших ликероводочной продукцией. Например, в Белгороде в 1985–1987 гг. было закрыто 14 винных отделов гастрономов, в Воронеже — 16, в Тамбове — 12 [18]. Нередко комплекс мер, направленный на профилактику трезвости, этим и ограничивался.

Порой доходило до откровенного перебора. Так, первый секретарь Крымского обкома Компартии Украины В.Н. Макаренко свидетельствовал: «Лигачев требовал вырубить виноградники как первооснову производства алкогольной продукции... настаивал даже на уничтожении знаменитой коллекции винного завода “Массандра”. И

только личное вмешательство первого секретаря ЦК Компартии Украины В.В. Щербичского, который напрямую связался с Горбачевым и объяснил ситуацию, спасло ее» [19].

Несмотря на некоторые положительные достижения (увеличение продолжительности жизни, рост рождаемости, сокращение преступности и др.), антиалкогольная кампания в целом имела прямо противоположные ожидаемым результаты. Резкое сокращение производства спиртного нанесло серьезный ущерб советской экономике. Если до 1985 г. продажа алкогольных напитков давала около 25 % поступлений в бюджет страны (а за счет высоких цен на них удавалось дотировать цены на хлеб, молоко, сахар и другие продукты), то в данный момент убытки от его продажи компенсированы не были. В этих условиях бюджет 1986 г. фактически рухнул, и в результате уже в 1987 г. в стране наступил экономический кризис.

Антиалкогольная кампания способствовала активизации теневой экономики, дельцы которой смогли пополнить свои капиталы за счет подпольного производства низкокачественной водки и самогона. Заслуживает внимания точка зрения заместителя председателя КГБ СССР В.Ф. Грушко: «...мы получили целый букет проблем: астрономический скачок теневых доходов и накопление частного капитала, рост коррупции... казна не досчиталась огромных бюджетных сумм, возместить которые оказалось нечем» [20]. В массовом сознании реформа воспринималась как абсурдная инициатива властей. Ее результатом стали не только гигантские очереди за спиртным, но и исчезновение из свободной продажи предметов бытовой химии, лекарственных препаратов, кондитерских изделий и сахара (последний продукт активно скупался для самогонварения). По свидетельству М.С. Горбачева, «антиалкогольная кампания... стала еще одним печальным примером того, как вера во всемогущество командных методов, максимализм, административный раж губят правильно задуманное дело» [21].

В общественном сознании достаточно быстро была сформулирована оценка перестройки: это была тихая революция вторых секретарей парткомов КПСС всех уровней против первых секретарей, приведшая к обновлению элиты, но не к смене политического режима. О ее деятельности можно было судить не по многочисленным декларациям, а по реальным делам, зачастую не подтверждавшим желание властвующей элиты регионов осуществлять глубокие социальные перемены, а главное — меняться самой.

Неумелые действия региональных политических элит по перестройке административно-хозяйственного механизма страны вызывали лишь сильное раздражение населения. В период 1988–1990 гг. оно начало выражаться уже в открытых формах — от гневных писем

в адрес региональных партийно-советских органов и их руководителей до многотысячных митингов. (В феврале 1990 г. участники такого митинга потребовали отставки первого секретаря Волгоградского обкома КПСС В.И. Калашникова, с деятельностью которого общественное мнение связывало дефицит продовольствия в регионе.) Митинги трудящихся с подобными требованиями прошли в некоторых других регионах.

Все это не замедлило сказаться на состоянии дисциплины и общественного порядка в целом.

Кроме того, возник раскол и среди самой правящей элиты. До осени 1987 г. М.С. Горбачев и его сторонники неоднократно заявляли, что перестройка отвечает интересам всего общества, и у нее не может быть противников. Но в этот период высшее политическое руководство страны столкнулось с оппозицией, которая благодаря прессе стала именоваться левой. Ее ярким проявлением стало так называемое дело Ельцина.

Занимая в 1976–1985 гг. должность первого секретаря Свердловского обкома КПСС, Б.Н. Ельцин зарекомендовал себя в качестве энергичного руководителя крупного промышленного региона РСФСР и, что немаловажно, честного и принципиального коммуниста. Поэтому в декабре 1985 г. он был рекомендован Политбюро на должность первого секретаря Московского ГК КПСС. Оказавшись на данном посту, Б.Н. Ельцин столкнулся с многочисленными фактами злоупотреблений служебным положением руководящих работников МГК КПСС и первых секретарей РК КПСС, и это стало причиной их отставки.

После ряда конфликтов с членами Политбюро на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 г. Б.Н. Ельцин выступил с критикой партийного руководства. В частности, он заявил, что «партийные организации оказались в хвосте событий. Здесь перестройки практически нет. Отсюда целая цепочка ошибок и просчетов» [22]. На Пленуме МГК КПСС Б.Н. Ельцин подвергся жесткой критике и был освобожден от занимаемого поста, хотя и остался в руководящей обойме. (Позже Б.Н. Ельцина назначили на пост первого заместителя председателя Госстроя СССР.) Несмотря на осуждение опального партийного лидера бывшими соратниками за политические ошибки, дело Ельцина получило достаточно мощный общественный резонанс. Стенограмма его выступления не была своевременно опубликована в печати, что породило множество слухов.

Действительно, работа Б.Н. Ельцина на посту руководителя Московской парторганизации и, в частности, личные проверки магазинов и складов, поездки в общественном транспорте, организация ярмарок и т. д. создали ему популярность среди жителей столицы. Благодаря гласности его имя начало ассоциироваться у населения страны с рез-

кой критикой стиля руководства того времени и многочисленных привилегий партийно-советской элиты, а избрание делегатом XIX Всесоюзной партконференции способствовало политической реабилитации Б.Н. Ельцина.

Следует отметить очень удачное использование Б.Н. Ельциным новой общественно-политической ситуации, превращение своего поражения в победу. Снятый с должности главный столичный функционер, хоть и формально раскаявшийся в допущенных ошибках перед высшей партийной коллегией, но не сломленный морально и политически, впервые обратился за поддержкой к рядовым коммунистам, к населению страны в целом.

Данная ситуация оказалась беспрецедентной среди политического истеблишмента СССР. В глазах членов КПСС и беспартийных Б.Н. Ельцин смог создать образ человека, пострадавшего за правду, и это обстоятельство прибавило ему политический авторитет. Кроме того, переход в фактическую оппозицию к правящей партии вчерашнего руководителя, занимавшего ответственные номенклатурные посты в столичных и региональных партийных органах, свидетельствовал о явном кризисе среди властвующей элиты.

Несмотря на все предпринятые попытки подавить политическую реабилитацию Б.Н. Ельцина, сделать это не удалось.

Демарш высокопоставленного партийного функционера сильно озадачил региональные элиты, весьма консервативно настроенные в отношении любых социальных перемен. Это обстоятельство породило распространяемые в прессе слухи об оппозиции справа, а поводом к этому стала опубликованная в газете «Советская Россия» статья «Не могу поступиться принципами» преподавателя одного из ленинградских вузов Н. Андреевой. Она фактически взяла под защиту Сталина и проводимую им политику, высказав немало критических отзывов в отношении перестройки и гласности.

Данная публикация была воспринята многими как начало консолидации ортодоксально-коммунистических сил, основу которых составляла как раз региональная политическая элита. Не случайно статью «Не могу поступиться принципами» опубликовали все печатные издания ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

К середине 1988 г. политическому руководству СССР с помощью различных маневров удалось дистанцироваться как от коммунистических ортодоксов, неспособных поступиться принципами, так и от активизировавшихся выходцев из различных социальных слоев населения крупных мегаполисов, упрекавших власть в непоследовательности процессов реформирования. Руководство страны продолжало занимать центристскую позицию в отношении проводимого им политического курса, пользовалось поддержкой общественного мнения.

В остальных регионах страны данные процессы были выражены значительно слабее. Но доверие к местным элитам со стороны населения в связи с экономическим кризисом и, как следствие, пустеющими полками магазинов, явным провалом антиалкогольной кампании и противодействия спекуляции продолжало падать. Это способствовало повороту общественного сознания в сторону другого пути решения стоявших перед страной проблем — радикального.

С тех событий прошло уже 30 лет. За это время кардинальные изменения претерпели отечественная государственность, социум и экономика. Иной стала региональная политическая элита. Для многих ее представителей, которые и сейчас занимают ответственные посты в структурах представительной и исполнительной власти регионов России, последствия непродуманных, во многом популистских мер по реформированию социально-экономических отношений должны были стать хорошим уроком. Несмотря на явные позитивные сдвиги в развитии системы региональной власти современной России, опыт политико-экономических реформ на рубеже 80–90-х гг. XX в., к сожалению, был усвоен далеко не всеми.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Радзинский Э.С. *Сталин*. Москва, Вагриус, 1997, 336 с.
- [2] Ельцин Б.Н. *Записки Президента*. Москва, Огонек, 1994, 336 с.
- [3] Восленский М.С. *Номенклатура*. Москва, Политическая литература, 1990, 473 с.
- [4] Заславская Т.И. *О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии*. Москва, Экономическая литература, 1991, 89 с.
- [5] *Липецкая область. Золотой юбилей. 1954–2004*. Липецк, 2005, 443 с.
- [6] Соломин В.Х. *Созидатели. Строители*. Липецк, 2004, 332 с.
- [7] Зюганов Г.А. *Уроки жизни*. Санкт-Петербург, Нева, 1997, 288 с.
- [8] Попов Г.Х. *Перестройка Михаила Горбачева*. Москва, Изд-во Международного университета, 2011, 434 с.
- [9] Гайдар Е.Т. *Государство и эволюция*. Москва, Евразия, 1995, 87 с.
- [10] Калининченко В.И. *Следствие и власть*. Москва, Академия, 2013, 223 с.
- [11] Манаенков Ю.А. *Партийная работа — дело творческое*. Москва, Огонек, 1988, 170 с.
- [12] Рыжков Н.И. *Перестройка. История предательства*. Москва, Новости, 1994, 287 с.
- [13] Бергер М. *Первые кооперативы, или происхождение частника*. Известия. 1995, 4 апреля, с. 4.
- [14] Двужина И.В. *История тамбовского края. XX век*. Тамбов, Изд-во ТГУ им. Державина, 2011, 355 с.
- [15] *Материалы апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС. (Стенограмма)*. Москва, Политическая литература, 1985, 84 с.
- [16] Соломенцев М.С. *Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки»*. Москва, Алгоритм, Эксмо, 2011, 335 с.
- [17] Лигачев Е.К. *Кто предал СССР?* Москва, Алгоритм-Эксмо, 2009, 288 с.

- [18] Первые шаги перестройки. *История Волгограда 1589–2005*. URL: http://www.volgograd-history.ru/history/volgograd/article_002.html (дата обращения 27.04.2017).
- [19] *Антиалкогольная кампания в СССР*. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/482748> (дата обращения 03.05.2017).
- [20] Грушко В.Ф. *Судьба разведчика*. Москва, Международные отношения, 1997, 281 с.
- [21] Горбачев М.С. *Жизнь и реформы. Кн. 1*. Москва, Новости, 1995, 440 с.
- [22] Ельцин Б.Н. *Исповедь на заданную тему*. Москва, Огонек, 1989, 117 с.

Статья поступила в редакцию 11.07.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Разумовский В.Ю. Политическая элита регионов СССР и перестройка административно-хозяйственного механизма — тенденции, противоречия, результаты. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 9.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-9-472>

Разумовский Владимир Юрьевич окончил Липецкий государственный педагогический институт и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Канд. полит. наук, доцент АНО ДПО «Институт развития образования». Автор монографии «Коррупция в системе образования и науки России — истоки, пресечение, профилактика», а также 12 учебных пособий и 15 статей в научных журналах и вузовских сборниках. Сфера научных интересов — государственные институты, социальные процессы в правоохранительной деятельности.
e-mail: vrazumovsky@yandex.ru

The political elite of the USSR regions and the restructuring of the administrative mechanism: Trends, controversies, results

© V.Yu. Razumovskiy

Education Development Institute, Lipetsk, 398017, Russia

The article examines the restructuring of the administrative mechanism and the role which the political elite of the USSR regions played in this process in the 1980s and 1990s. We analyze the key socio-economic challenges and the contradictions that arose in the course of their overcoming. The causes for many failures of the state socio-economic initiatives, the responsibility of the regional political elite as well as the socio-political results of these processes are revealed.

Keywords: regional elite, perestroika, glasnost, economic accounting and self-sufficiency, cooperatives, anti-alcohol campaign, unearned income

REFERENCES

- [1] Radzinskiy E.S. *Stalin* [Stalin]. Moscow, Vagrius Publ., 1997, 336 p.
- [2] Eltsin B.N. *Zapiski Prezidenta* [President's notes]. Moscow, Ogonek Publ., 1994, 336 p.
- [3] Voslenskiy M.S. *Nomenklatura* [Political establishment]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1990, 473 p.
- [4] Zaslavskaya T.I. *O sovershenstvovanii sotsialisticheskikh proizvodstvennykh otnosheniy i zadachakh ekonomicheskoy sotsiologii* [About improving the socialistic industrial relations and the problems of economic sociology]. Moscow, Ekonomicheskaya literatura Publ., 1991, 89 p.
- [5] *Lipetskaya oblast. Zolotoy yubiley. 1954 – 2004* [Lipetsk region. Golden jubilee. 1954–2004]. Lipetsk, 2005, 443 p.
- [6] Solomin V.Kh. *Sozidateli. Stroiteli* [Creators. Builders]. Lipetsk, 2004, 332 p.
- [7] Zyuganov G.A. *Uroki zhizni* [Life lessons]. St. Petersburg, Neva Publ., 1997, 288 p.
- [8] Popov G.Kh. *Perestroyka Mikhaila Gorbacheva* [Perestroika of Mikhail Gorbachev]. Moscow, International University Publ., 2011, 434 p.
- [9] Gaydar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. Moscow, Evraziya Publ., 1995, 87 p.
- [10] Kalinichenko V.I. *Sledstvie i vlast* [Investigation and power]. Moscow, Akademiya Publ., 2013, 223 p.
- [11] Manaenkov Yu.A. *Partiynaya rabota — delo tvorcheskoe* [Party work is a creative activity]. Moscow, Ogonek Publ., 1988, 170 p.
- [12] Ryzhkov N.I. *Perestroyka. Istoriya predatelstva* [Perestroika. The history of betrayal]. Moscow, Novosti Publ., 1994, 287 p.
- [13] Berger M. *Izvestiya – Izvestia*, 1995, April 4, p. 4.
- [14] Dvuzhinova I.V. *Istoriya tambovskogo kraya. 20 vek* [The history of the Tambov region. The twentieth century]. Tambov, Tambov State University named after GR. Derzhavin Publ., 2011, p. 355.

- [15] *Materialy aprel'skogo 1985 g. Plenuma TsK KPSS. (Stenogramma)* [Materials the April 1985 plenary assembly of the CPSU central committee. (Transcript)]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1985, 84 p.
- [16] Solomentsev M.S. *Zachistka v Politbyuro. Kak Gorbachev ubiral "vragov perestroiki"* [Crackdown in the Politburo. How Gorbachev removed the "enemies of perestroika"]. Moscow, Aloritm, Eksmo Publ., 2011, 335 p.
- [17] Ligachev E.K. *Kto predal SSSR?* [Who betrayed the USSR?] Moscow, Aloritm, Eksmo Publ., 2009, 288 p.
- [18] *Istoriya Volgograda 1589–2005. Pervye shagi perestroiki* [The history of Volgograd in 1589–2005. The first steps of perestroika] Available at: <http://www.volgograd-history.ru> (accessed April 27, 2017).
- [19] *Antialkogolnaya kampaniya v SSSR* [The antidrinking campaign in the USSR]. Available at: <http://dic.academic.ru> (accessed May 03, 2017).
- [20] Grushko V.F. *Sudba razvedchika* [The intelligence officer's destiny]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1997, 281 p.
- [21] Gorbachev M.S. *Zhizn i reformy. Kn. 1* [Life and reforms. Book 1]. Moscow, Novosti Publ., 1995, 440 p.
- [22] Eltsin B.N. *Ispoved na zadannuyu temu* [Testimony on a given topic]. Moscow, Ogonek Publ., 1989, 117 p.

Razumovskiy V.Yu. (b. 1967) graduated from Lipetsk State Pedagogical Institute and the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Cand. Sc. (Polit.), Assoc. Professor of autonomous non-profit organization of continuing professional education "Institute of Education Development". Research interests include: public institutions, social processes in the law-enforcement practice. Author of the monograph "Corruption in the Russian system of education and science - origins, suppression, prevention" as well as 12 textbooks and 15 articles in scientific magazines and university journals. e-mail: vrazumovsky@yandex.ru